

ПОСЛАНИЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ.

Стихотвореніе

и изданіе

ЕГОРА ПОРОМЕНСКАГО.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

193317

РИГА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ МИЛЛЕРА.

1862.

ПОСЛАНІЕ

ВЪ ГОНІМЪ ТИШИНѢ

Смилосердіе

Одобрено Ценсурою. Рига 18го Августа 1862.

ЕГОРА ПОРОМНИЧАТО

193317
Яванскіи
Тяпа Яванскіи

1228641949

ПОСЛАНИЕ КЪ РОССИИ ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ.

ПРОЛОГЪ.

Любезное отечество мое, ликуй!
Вся русская земля въ весельи торжествуй!
Сегодня память твоего тысячелѣтя,
И мы — сыны твои желаемъ многолѣтя
Тебѣ — родимой, славной матушкѣ своей,
Вскормившей насъ такъ нѣжно на груди твоей.
Благій Господь тебѣ все къ лучшему устроилъ,
Отъ тяжкихъ бѣдъ тебя избавилъ, упокоилъ.
Онъ — милосердый Русь святую сохранилъ,
Отъ всякихъ золь ея чудесно защитилъ. —
Подъ игомъ хищныхъ варваровъ она страдала
Два съ половиной вѣка и въ цѣпяхъ стонала.
Безъ милости и безпрерывно лилась кровь
Ея святыхъ и благороднѣйшихъ сыновъ.
Князья Руси принуждены были болвану —
Златой орды монгольской хана истукану
Честь божескую со смиреньемъ воздавать
И на колъни предъ баскакомъ упадать.
Церквамъ и алтарямъ грозило истребленье,
А городамъ и деревнямъ опустошенье.
Всѣ думали, что мученическій вѣнецъ
Ихъ ожидаетъ и вселенной ужь конецъ...

Въ тѣ дни ужасной и неслыханной печали,
Когда все Русскіе Монголовъ трепетали,
Судьбой Россіи, скованной въ цѣпяхъ былъ данъ
Могучій Государь — великій Іоаннь.
Онъ не хотѣлъ передъ Татарами гнуть выи
И полную свободу возвратилъ Россіи. —
Прошло столѣтіе. Опасные враги
Россіи страшные удары нанесли,
Несчастную со всехъ концовъ опустошали,
Москву — столицу нашу жгли и разоряли.
Опять Господь умилосердился надъ ней, —
Пожарскій, Мининъ избавляютъ отъ сѣтей.
Вотъ Домъ Романовыхъ на тронъ возсѣдаетъ,
Въ отечествѣ покой и миръ возстановляетъ.
Прошли печальныя въ Россіи времена,
Когда безумнаго раздора сѣмена
Народъ благочестивый русскій волновали
И вѣру въ лучшее и въ силу истребляли.
Непобѣдимый Карль къ Полтавѣ подошелъ,
Подъ этой крѣпостью стоялъ, осаду велъ.
Нашъ Петръ великій къ ней съ оружіемъ приходитъ,
Такой ужасный страхъ на Шведовъ онъ наводитъ,
Что все они и даже самъ король бѣгутъ
Постыднымъ образомъ, а Русскіе берутъ
Себѣ знамена, пушки, бомбы и картечи
И съ радостію отправляютъ тризну сѣчи. —
Еще столѣтіе проходитъ. Исполинъ,
Герой великій, дивный мужъ и властелинъ,
Котораго Французы все такъ обожали
И предъ которымъ все народы трепетали,

Осмѣлился съ тобой, Россія, воевать,
Отъ Нѣмана и до Москвы все разорять.
Наполеонъ — герой покрытый славой входитъ
Въ столицу древнюю и съ ужасомъ тамъ бродить,
Со всѣхъ сторонъ объятый дымомъ и огнемъ.
Маститый старецъ, опытный въ бояхъ съ мечемъ
Гостей незваныхъ, дальнихъ ловко окружаетъ,
Искусный птицеловъ — имъ сѣти разставляетъ.
Тогда Французы съ изумленіемъ глядятъ,
„Что дальше будетъ?“ непріатели твердятъ.
„А вотъ что!“ храбрый нашъ Кутузовъ отвѣчаетъ
И каждый день и каждый часъ ихъ поражаетъ.
Сыны Россіи славно подчуютъ гостей!
Въ могилахъ нашихъ сгнили тысячи костей
Французской чудной арміи — непобѣдимой,
Въ борьбахъ испытанной, ни къмъ неодолимой. —
Россія! Ты — колоссъ Родосскій. Вѣчно стой
На твердомъ основаніи! И надъ тобой
Да носится неувыдаемая слава,
И да цвѣтетъ изъ рода въ родъ твоя держава!
А ты, нашъ Новгородъ великій — господинъ,
Когда — то съверной Россіи властелинъ!
Тебѣ сыновъ твоихъ любезныхъ милліоны
Сегодня въ славный часъ шлютъ низкіе поклоны.
Ты — наша колыбель. Твой Ярославовъ дворъ,
Святой Софіи благолѣпнѣйшій соборъ
Къ себѣ сердца и мысли Русскихъ привлекаютъ,
Дѣла давно минувшихъ лѣтъ напоминаютъ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.**Основаніе Руси.**

Славяне — предки наши древле занимали —
 Пространство отъ рѣки Дуная до Оки
 И всю обширную равнину населяли
 Отъ береговъ Донскихъ до западной Двины.
 Отцы семействъ подобно патріархамъ жили:
 Домашніе, жена, и дѣти и земля —
 Безропотно все подчинялось; всѣхъ судили
 Какъ имъ угодно; не имѣли короля. —
 За истинныхъ боговъ Славяне почитали
 Перуна, Волоса, Купалу, Коледу,
 И божескую честь Бѣль — богу отдавали
 И обращались въ важныхъ случаяхъ къ волхву.
 Перунъ былъ молніи и грома низпослатель,
 Волосъ же покровитель всякаго скота,
 Купала всѣхъ земныхъ плодовъ и благъ податель,
 А Коледа — виновникъ мира, торжества.
 Лѣса, источники, озера, рѣки были
 Мѣстами сборищей, священными для нихъ;
 Волхвы богамъ, кумирамъ въ жертву приносили
 Плоды, людей, добычу и скотовъ своихъ. —
 Славяне были стройны, грозны и не робки, —
 Губили быстрыми набѣгами враговъ,
 Метали стрѣлы ядовитыя и копыя,
 Въ сраженіи охраняясь помощью щитовъ.
 Живя въ лѣсахъ среди болотъ, они любили
 Набѣги дѣлать на чужіе города,
 И отъ Дуная до Царьграда разорили
 Монастыри, деревни, церкви, всѣ поля. —

Полотна, кожи, воскъ и хлѣбъ они мѣняли
 На иноземные товары и плоды;
 Волянка, дудка и гудокъ имъ услаждали
 Опасности, несчастія и всѣ труды.
 Подобно нашимъ мужичкамъ они любили
 Тоску и грусть въ прекрасныхъ пѣсняхъ выражать;
 Подобно имъ лихими плясунами слыли
 И въ бѣганьи хотѣли силу показать.
 „Да будетъ стыдно мнѣ, когда я не исполню
 „Объщаннаго мной!“ нашъ предокъ говорилъ.
 Отъ всей души любилъ онъ золотую волю,
 Радушень, благодравень и умѣренъ былъ. —
 Хазары, обитавшіе на Волгѣ, брали
 Съ Полянъ и хищныхъ Вятичей большую дань,
 Нашъ славный Кіевъ на Днѣпрѣ завоевали,
 Въ немъ утвердили собственную власть и длань.
 Варяго — Руссы иль Норманны, занимая
 Страну межъ скаль и горъ, дремучіе лѣса, —
 Опасности морскія, бѣды презирая,
 На легкихъ лодкахъ выходили на берега
 Благословенныхъ, лучшихъ государствъ Европы;
 Все предавали истребленію, огню
 И быстро возвращались въ снѣжные сугробы —
 Въ свое отечество къ родному очагу.
 Вотъ эти — то враги на Новгородъ напали,
 Старались тамъ свое господство утвердить.
 Но тщетно! Новгородцы вскорѣ ихъ прогнали,
 На полной волюшкѣ — свободѣ стали жить.
 Межъ тѣмъ у нихъ явился худшій врагъ — раздоры. —
 Блаженъ, кому Богъ даровалъ природный смыслъ! —

Въ то время, какъ у Новгородцевъ были споры, Почетный гражданинъ, мужъ славный Гостомысль При смерти подаетъ такое наставленье:

„Зачѣмъ вести вамъ безконечные раздоры?
 „Я въ вѣчность отхожу. Послушайте меня!
 „Оставьте постоянную вражду и споры!
 „Тамъ за — моремъ Варяго-русскіе князья
 „Живутъ и любятъ васъ. Отправьтесь, предложите
 „Знакомымъ намъ тремъ братьямъ княжескую власть!
 „Тогда междоусобной брани избежите
 „И прекратится между вами споръ, напасть.“

Вотъ новгородскіе послы къ нимъ прѣзжаютъ, Ведутъ такую рѣчь: „Родимая земля
 „У насъ обширна, но раздоры истребляютъ
 „Порядокъ въ ней. Пожалуйте же къ намъ, князья!“

Прошло теперь тысячелѣтіе, какъ Рюрикъ Съ своими братьями въ страну Славянъ пришелъ. Онъ первый былъ правитель, судія, защитникъ И въ Новгородъ жилъ, тамъ утвердилъ престолъ. Аскольдъ и Диръ, сподвижники его пустились На югъ и тамъ завоевали Кіевъ градъ. Въ земль Полянъ они господствовать рѣшились, Хазаръ прогнали, — этому былъ каждый радъ.

Расширеніе Руси.

По смерти Рюрика Олегъ князь вѣщій, мудрый За малолѣтствомъ Игоря сталъ управлять. Онъ родственникъ былъ Рюрику, правитель умный, Любилъ съ сосѣдями своими воевать,

Всегда ихъ поражалъ, Смоленскъ и Кіевъ отнялъ
Лукавствомъ у враговъ, убивъ его князей,
Построилъ знатный флотъ, на Грековъ войско поднялъ,
Не мало разорилъ тамъ деревень, церквей.
Онъ подкатилъ въ ладьяхъ сухимъ путемъ къ Царьграду,
Привелъ въ страхъ греческаго императора
И заключилъ миръ славный. Каждому солдату
Дана награда и уклады въ города.
Къ Олегу разъ одинъ зловъщій жрецъ явился
И говоритъ: „Ты, князь, умрешь отъ своего коня.“
Олегу не вѣрилъ этой баснѣ, удивился.
Но на холмъ, гдѣ конь его лежалъ, змѣя
Ужала его въ пятахъ и смерть постигла.
Народъ печалился, волхвомъ назвалъ его
И въ душу подданныхъ героя грусть проникла.
Онъ дивный мужъ и невозможно ничего
Прибавить въ похвалу ему! — Тогда восходитъ
Князь Игорь на престолъ. Древлянъ онъ усмирилъ
И съ греческой имперіей войну заводитъ,
Чтобъ славу пріобрѣсть. Но онъ несчастливъ былъ.
Ужасный греческій огонь все истребляетъ
И князь едва спасается, однакожь не унылъ.
Черезъ нѣсколько годовъ онъ войско собираетъ.
Опять пошелъ войной, границы разорилъ.
Вотъ императоръ византійскій предлагаетъ
Миръ заключить. Сподвижники его не прочь.
Великій князь советъ дружины принимаетъ.
Онъ и не радъ, да какъ бѣдѣ помочь?
Кончина Игоря была весьма несчастна.
Когда къ Древлянамъ онъ за данью вновь пришелъ,

Они ожесточились, имъ была опасна
 Его страсть къ прибыли. Погибель онъ нашель.
 Къ верхушкамъ двухъ деревь Древяне привязали
 Несчастливаго корыстолюбца — бѣдняка,
 Пустивши дерева, на части разорвали,
 Терзали трупъ, топтали будто червяка. —
 Великая княгиня Ольга принимаетъ
 Бразды правленія и дѣйствуетъ умно;
 Пословъ древянскихъ русской баней угощаетъ,
 Другихъ велитъ живыхъ засыпать. Такъ хитро
 Своимъ за мужа непріателямъ отмстила!
 Она ввела порядокъ новый управленія,
 И всю Россію на погосты раздѣлила.
 Подъ старость лѣтъ княгиня первая крестилась
 Въ купели пакибытія, и благодать
 Христа и Спаса щедро на нее излилась.
 Она готова намъ молитвой помогать. —
 Героевъ древнихъ Святославъ напоминаетъ:
 Онъ исполинъ, ужасный всѣхъ сосѣдей бичъ,
 Какъ громъ и молнія враговъ всѣхъ истребляетъ,
 Опасенъ, грозенъ былъ его военный кличъ.
 Когда въ Болгаріи онъ воевалъ, подходятъ
 Къ столицѣ Печенѣги, злобные враги.
 Ужасный страхъ на Кіевъ хищники наводятъ,
 Однакожь средства къ избавленію нашли.
 Узду взялъ юноша одинъ прекрасный, хитрый, —
 Отважно онъ проходитъ лагерь Печенѣговъ,
 Обманываетъ всѣхъ, бросается въ Днѣпръ быстрый,
 И вотъ Свѣнельдъ спасаетъ городъ Святославовъ.

Предавъ земль прахъ матери, нашъ рыцарь храбрый
 Опять къ Дунаю полетѣль, сталь воевать.
 Его встрѣчаетъ Юаннъ Цимисхій славный.
 Противники дерутся, не хотятъ подать
 Руки другъ другу. Было страшное сраженье.
 Князь русскій предъ своей дружиною стоитъ,
 Въ рядахъ сподвижниковъ — друзей зреть истребленье —
 Отчаянье на блѣдныхъ лицахъ, говорить:
 „Друзья! Мы въ бѣгствѣ не должны искать спасенья;
 „Умремъ на полѣ битвы! Мертвымъ нѣтъ стыда.“
 Дружина грянула. Лучь яркій утѣшенья
 Блеснулъ ему. . . . Врагъ много потерпѣль вреда.
 Но Греки войско превосходное собираютъ,
 Какъ хищные орлы летять со всехъ сторонъ
 И Святослава рать искусно окружаютъ;
 Тогда былъ вѣчный миръ межъ ними заключонъ.
 Великій князь спѣшить съ дружиною въ столицу.
 Но Печенги заграждаютъ ему путь
 И разбиваютъ войско; малую частицу
 Свѣнелдъ спасаетъ. Князь не можетъ отдохнуть
 Отъ тяжелой брани и лицо къ земль склоняетъ.
 Князь Куря Святославу отрубилъ главу,
 И черепъ побѣдитель златомъ убираетъ,
 Вино пьетъ изъ него, чтобъ приобрѣсть хвалу. —
 Враждуютъ межъ собою Святослава дѣти:
 Князь Кіевскій, братъ старшій Ярополкъ убилъ
 Древлянскаго Олега. Ужасъ близкой смерти
 Владиміру младому князю мысль внушилъ
 Оставить Новгородъ, вооружить Варяговъ.
 Собравшись съ силами, на брата онъ идетъ,

Опустошаетъ земли множествомъ снарядовъ,
 Въ супруги славную княжну себѣ беретъ
 И быстро, смѣло устремляется на брата.
 Князь Ярополкъ въ испугъ отъ него бежитъ,
 Смиряется предъ нимъ, вступаетъ въ сѣни ада
 И какъ преступникъ вѣроломно былъ убитъ. —
 Владиміръ, сдѣлавшись потомъ единодержцемъ,
 На западъ страну Ятвяговъ покорилъ,
 Былъ для враговъ Руси ужаснымъ громовержцемъ
 И власть въ Литвѣ при Нѣманѣ онъ утвердилъ.
 Язычникъ — онъ носилъ хорошее и злое:
 Нерѣдко онъ былъ мстителенъ, неукротимъ,
 Кровь христіанъ пролилъ и все любилъ родное, —
 Отваженъ былъ, рѣшителенъ, непобѣдимъ.
 Сосѣдніе народы скоро присылаютъ
 Къ Владиміру со всѣхъ сторонъ своихъ пословъ.
 Они ему все тайны вѣры объясняютъ,
 И каждый хвалитъ мнѣніе своихъ отцовъ.
 Философъ греческій прекрасно излагаетъ
 Ученіе, всю жизнь и чудеса Христа,
 Картину вѣчной жизни, — муки представляетъ.
 Великій князь оцѣпенѣлъ отъ ужаса.
 „Блаженъ, кто въ вѣчное веселіе вступаетъ;
 „Ахъ! жалокъ тотъ, кто въ адъ вѣчно мучится.“ —
 „Крестись, о князь!“ ему философъ возражаетъ:
 „Спасешься; царствіе Христово нудится.“ —
 Владиміръ — солнце отправляетъ въ государства
 Своихъ пословъ, чтобъ правду — истину дознать.
 Они объѣхали имперіи и царства,
 Спѣшатъ къ нему подробности все рассказать.

„Кто сладкаго вкусиль,“ они ему вѣщаютъ:
„Не хочеть горькаго: такъ мы — посланники
„Теперь узрѣли истину; лишь Греки знаютъ
„Христа и Бога; вотъ его избранники!“ —
Тогда великій князь дружину созываетъ,
Въ прекрасную Тавриду съ воинствомъ идетъ
И славный городъ Херсонесъ тамъ осаждаеть,
Стоитъ предъ нимъ, потомъ измѣною беретъ.
Его гонцы спѣшатъ въ Константинополь древній
И требуютъ руки царевны молодой.
Она трепещеть, — слышала, что князь невѣрный
Губиль наложницъ, женъ по прихоти своей.
Но братья — императоры все утѣшаютъ
Княжну и обѣщаніе посламъ даютъ;
Потомъ царевну въ путь — дорогу снаряжаютъ
И въ городъ Херсонесъ къ Владиміру везутъ.
Владиміръ нашъ Равно-Апостольный нисходитъ
Въ купель и въ ней становится другимъ тотчасъ;
Во всей Россіи вѣру въ Иисуса вводитъ.
Такъ милосердый Богъ Россію нашу спасъ!
Мы отъ учоныхъ Грековъ получили
Священное писаніе на языкъ,
Понятномъ для народа; Греки жъ сообщили
Свои художества, науки намъ вполнѣ.
Святой мужъ умеръ. — Святополкъ неблагодарный
Отважился Владиміра дѣтей сгубить,
Бориса, Гльба, Святослава, окаянный,
Дерзнулъ злодѣй коварно и тайкомъ убить.
Вотъ Ярославъ противъ убійцы выступаетъ,
На Печенѣговъ, Кіевлянъ идетъ войной,

Грабителя при Альтѣ страшно поражаетъ,
 Восходитъ на престолъ, даруетъ всемъ покой.
 Несчастнѣйшій Каинъ-Святополкъ въ лѣса уходитъ,
 И тамъ своею совѣстью терзаемѣй,
 Не видитъ радостей, какъ сумасшедшій бродитъ,
 И умираетъ всеми проклинаясь.
 Князь Ярославъ войну велъ съ кровными своими:
 Съ княжившимъ въ Полоткѣ племянникомъ роднымъ;
 Его онъ одолѣлъ полками Кіевскими —
 И съ братомъ собственнымъ Метиславомъ удалымъ.
 Онъ Кіевъ оградилъ стѣнами каменными,
 Распространялъ науки, ремесло вездѣ,
 Украсилъ златомъ, чашами серебряными
 Софіи храмъ и флотъ построилъ на Днѣпрѣ.
 Нашъ князь съ монархами Европы породнился,
 Усердно, постоянно Библию читалъ.
 Свѣтъ просвѣщенія у насъ распространился.
 Древнѣйшіе законы Ярославъ издалъ.
 Князь мудрый важными дѣлами занимался,
 Покойно жить увѣщавалъ своихъ дѣтей.
 Онъ долго жилъ, въ глубокой старости скончался
 И гробъ его хранится цѣль до нашихъ дней. —
 При немъ святой Антоній, инокъ сердцемъ чистый
 Въ духовной нищетѣ о вѣрѣ ревновалъ,
 Боролся съ міромъ, съ плотію какъ воинъ истый
 И Кіево-Печерску лавру основалъ. —
 Въ дни жалкой смуты Новгородцы оказали
 Великія услуги князю мудрому.
 Они при данныхъ льготахъ славно торговали
 Съ Ганзой, благодаря разсудку здравому.

Вотъ Новгородъ съ сосѣдами въ борьбу вступаетъ;
Ихъ кличъ: „Кто противъ Бога, Софіи святой?“
Въ войнахъ съ врагами войско ихъ одушевляетъ;
Посадникъ, вѣче управляютъ ихъ землей.

Раздробленіе Руси.

Великая держава русская дробится
На мелкіе удѣлы. Жалкій, грустный вѣкъ!
Со всѣхъ сторонъ враги; ужасно ихъ боится
И гибнетъ въ распряхъ добрый русскій человекъ.
Междоусобіе настало и раздоры
Усиливаютъ ненависть родныхъ князей,
Ихъ безконечныя сраженія и споры
Опасны, гибельны для кровныхъ и друзей.
Какъ больно, тяжело на душѣ, когда читаешь
О постоянныхъ битвахъ братьевъ съ братьями!
Невольно сердце ноетъ, если замѣчаешь
Племянниковъ враждующихъ съ ихъ дядями.
Половцы, рыцари ливонскіе, Болгары
Какъ коршуны слетаются со всѣхъ сторонъ;
А Печенѣги, Берендѣи, Торки, Венгры
То грабятъ насъ, то защищаютъ отъ враговъ. —
По смерти Ярослава, дѣти раздѣлили
Россію межъ собой, вели всегда войну.
Всеславъ и Святославъ возстали, истребили
Деревни, города и при Днѣпрѣ страну.
Князь Изяславъ былъ кротокъ, смиренъ, малодушенъ;
Отъ братьевъ кровныхъ въ Польшу дважды онъ бѣжалъ
И тамъ какъ тѣнь скитался. Онъ былъ правосуденъ,
Любилъ отчизну и на полѣ битвы палъ. —

Преемникъ Изяслава Всеволодъ несчастный
 Желалъ всемъ подданнымъ спокойствія, любви;
 Но голодъ, язва моревая, врагъ опасный
 Въ могилу горестнаго князя низвели. —
 При сынъ Изяслава Святополкъ слабомъ
 Удельные князья не слушались никого;
 Отраду находили въ Мономахъ храбромъ
 И всю надежду возлагали на него.
 Волынкій князь Давидъ оклеветалъ коварно
 Василька, прибывшаго въ Кіевъ погостить;
 Великій князь повѣрилъ сказкѣ, и какъ странно!
 Вельзь невиннаго въ темницу заключить.
 Приказъ жестокаго Давида исполняя,
 Наемные злодѣи вдругъ въ тюрьму вошли,
 Ножъ выточили; князя на полъ повергая,
 Глаза, рѣсницы вырѣзали и ушли. —
 Владиміръ Мономахъ хотѣлъ идти войною
 Противъ обманщика Давида и грозилъ
 Изгнать его, но общей тронутый мольбою,
 Помиловалъ и казни мечъ остановилъ.
 Сей князь былъ нашего отечества опорой:
 Въ несчастное то время разбивалъ
 Враговъ Россіи; самъ нерѣдко пикой острой
 Князей чужихъ, животныхъ лютыхъ поражалъ.
 Въ послѣднемъ завѣщаньи ясно выразилась
 Его прекрасная и кроткая душа,
 Чистѣйшая любовь его тамъ высказалась
 Къ Творцу и сыновьямъ; вся жизнь его видна
 Какъ на ладони. Будущимъ князьямъ внушаетъ
 Сиротъ и вдовъ въ обиду сильнымъ не давать,

Быть храбрыми, воздержными увѣщаваетъ
 И гибельныхъ душъ пороковъ избѣгать. —
 Мстиславъ Великій Мономаху подражаетъ:
 Какъ этотъ, жертвуетъ отечеству всю жизнь,
 Чужихъ враговъ, князей удѣльныхъ укрощаетъ
 Непобѣдимой мышцею, твердитъ: „смирись!“ —
 При Ярополкѣ князь умномъ, добродушномъ
 Вновь вспыхнула междоусобная война.
 Порядка мало въ Новгородѣ непослушномъ:
 Народъ убилъ невиннаго посадника. —
 Когда же Всеволодъ принялъ бразды правленья
 И Мономаховъ сынъ отъ власти удаленъ,
 Пришли въ Россіи дни убійства, разрушенья.
 Ахъ! съ княземъ Ярополкомъ миръ былъ схороненъ. —
 Ни Всеволодъ ни Игорь братъ его злосчастный
 Не въ силахъ были въ Кіевѣ спокойно жить.
 Князь твердый Изяславъ Мстиславичъ, врагъ опасный
 Себѣ рѣшилсѣ Кіевъ силой возвратить.
 Его правленье было очень несчастливо:
 Питая злобу, зависть — непріатели
 Пошли втроемъ противъ него войной ужасной.
 Надменные Чернигова владѣтели,
 Князь Суздальскій Георгій и Владиміръ хитрый
 Ведутъ съ нимъ распрю, угрожаютъ гибелью.
 Но Изяславъ какъ левъ дерется смѣло, храбро,
 Наводитъ ужасъ, побораеъ хитростью. —
 По долгихъ смутахъ Юрій Долгорукій входитъ
 Въ столицу, возлагаетъ бармы, цѣпь, вѣнецъ,
 Но счастья, мира и любви народа не находитъ, —
 Онъ добродѣтеленъ такъ не былъ, какъ отецъ.

Да будетъ Юрію Россія благодарна!
 Онъ на востокъ свѣтъ Христовъ распространялъ, —
 Кому изъ насъ сія картина не отрадна?
 Москву, Переяславль и Юрьевъ основаль. —
 Андрей сынъ Юрія, прозваньемъ Боголюбскій
 Изъ Кіева отправился съ иконою.
 Ее изъ Греціи привезъ намъ Пирогощи.
 Андрей князь юный съ полною надеждою
 На заступленіе Пречистой поселился
 Въ Владиміръ и вѣру тамъ распространилъ,
 Въ связи съ ученою Европой находился,
 Себѣ свободныхъ Новгородцевъ подчинилъ.
 И дѣти Всеволода тожъ не возвратили
 Престолу Руси должнаго достоинства;
 Все враждовали и грозы не устранили,
 Не приготовили къ отпору воинства.

Иго Монгольское.

Въ предѣлахъ нынѣшней Монголіи скитались
 Татары — полудикій, варварскій народъ,
 Звѣриной ловлей, грабежами занимались,
 Безпечно жили въ дымныхъ юртахъ безъ заботъ.
 У нихъ отважный, хитрый, храбрый ханъ явился
 Честолюбивый, ненасытный Темучинъ.
 Въ Китаѣ, Персіи, Кабуль огонь разлился.
 Народы гибли отъ него. Онъ неба сынъ,
 Владыка міра — Чингисханъ. Сей князь ужасный,
 Который сжарилъ непріятелей въ котлахъ,
 Лишь думалъ о побѣдахъ, всѣмъ былъ врагъ опасный
 И жизнь провелъ въ опустошительныхъ войнахъ.

Лежа на смертномъ ложѣ, онъ завѣщаетъ
Наслѣднику народамъ мира не давать.
Покорный сынъ отцову волю исполняетъ
И смѣло начинаетъ земли разорять.
Тогда на русскую страну бѣда приходитъ:
Князя на помощь другу своему спышать.
На нихъ Монгольскій полководецъ страхъ наводитъ,
Они разбиты и безъ памяти бѣжать.
Не прекращаются ихъ вѣчные раздоры,
Всегда лишь мыслятъ какъ другъ другу повредить
И вотъ насталъ послѣдній часъ. Враги — Монголы
Являются, грозятъ сейчасъ все истребить.
Рязань, Москва, Владиміръ, города и села
Исчезли въ пламени отъ дыма и меча;
Мужчины, жены, дѣти безъ различья пола
Погибли лютой смертью отъ копья врага.
Русь южную такая жъ участь постигаетъ.
Вторая Византія — Кіевъ славный градъ
Подъ пиками Монголовъ страшно погибаетъ;
Батый распространилъ во всей Европѣ адъ. —
Князь Ярославъ среди развалинъ и убитыхъ
Явилъ великодушіе, безстрашный духъ,
Онъ много не заботился о льготахъ личныхъ,
Смирялся предъ злодѣями въ числѣ ихъ слугъ. —
Его сынъ Александръ съ тѣлесной красотой
Соединялъ великій умъ и мужество,
Прославился терпѣньемъ, сердца добротою
И на враговъ вель смѣло наше воинство.
Тамъ Шведы подъ начальствомъ Биргера явились
Въ предѣлы наши, чтобъ страну завоевать,

Но при рѣкѣ Невѣ надменные смирились.
 Нашъ невскій побѣдитель наложилъ печать
 На полководца ихъ. Онъ славно подвизался.
 Литовцы, Финны и Ливонцы, всѣ враги
 Узнали мечъ его, — однакожь онъ смирялся
 Передъ великимъ ханомъ золотой орды.
 Онъ понималъ несчастную Россіи долю,
 Четыре раза ѣздилъ къ хану на поклонъ,
 Обуздывалъ прискорбнаго народа волю,
 И гробъ его слезами всѣхъ былъ орошень. —
 Димитрій Александровичъ терпѣлъ не мало
 Отъ брата своего Андрея младшаго, —
 Батяя время страшное опять настало,
 И люди гибли отъ мороза сильнаго. —
 По смерти брата не былъ счастливъ на престолѣ
 Андрей властолюбивый, другъ Монголовъ злыхъ.
 Онъ пролилъ много крови, и въ несчастной долѣ
 Народъ страдалъ отъ притѣснителей лихихъ. —
 Когда же Михаилъ тверской сталъ старшимъ княземъ,
 Георгій князь Московскій позавидовалъ
 Родному дядѣ, сдѣлался Узбека зятемъ,
 Съ мечемъ вступилъ въ тверскую область, воевалъ.
 Народъ несчастный весь возсталъ единодушно,
 И Михаилъ взялъ въ плѣнъ Георгія жену.
 Она скончалась. Мужъ наклеветалъ коварно
 На дядю своего. Невинность хоть свою
 Великій князь и доказалъ, однакожь страшно
 Былъ Кавгадыемъ мучень, къ смерти присуждёнъ,
 Всѣ муки претерпѣлъ, истерзанъ былъ ужасно.
 Князь молодой Димитрій такъ былъ раздражёнъ,

Что тутъ же мечъ вонзиль въ Георгія убійцу.
 Узбекъ два года терпѣливо все молчалъ,
 Но наконецъ несчастнаго преступника
 Суду предать и умертвить онъ приказалъ. —
 При Александръ въ Тверь Шевкаль братъ хана прибыль
 Съ Татарами и весь народъ сталъ угнетать;
 Вотъ городъ возмутился, кровь текла рѣкою;
 Зато князь Александръ былъ долженъ пострадать. —
 Вотъ Иоаннъ Даниловичъ Москвою править.
 На Иоанна взоры всѣхъ обращены:
 Князь мудрый русскіе удѣлы собираеть,
 Всѣ русскіе князья ему подчинены.
 Повсюду тишина и алчные баскаки
 Не ходять больше къ намъ Россію разорять.
 Монголы злые не грызутъ насъ какъ собаки,
 Не смѣютъ болѣе мечемъ все истреблять.
 Хвала ему! Но судъ потомства безпристрастенъ:
 Московскій князь на Александра клеветалъ,
 Узбеку хану былъ любезенъ и пріятенъ,
 Убійца двухъ князей—себя онъ запятналъ.
 Владимірскій митрополить въ его правленье
 Въ Москву переселился, тамъ остался жить,
 Петръ мужъ святой и русской церкви украшенье —
 Совѣтами старался миръ въ ней утвердить. —
 Князь Симеонъ предъ ханами все унижался,
 Князьями же какъ Государь повельвалъ,
 Счастливо съ хищными врагами онъ сражался,
 Великимъ княземъ всей Руси себя назвалъ.
 Благочестивый Сергій близъ Москвы спасался
 Въ лѣсахъ непроходимыхъ, лавру основалъ;

Тамъ храмъ во имя Троицы святой созданъ,
 Который Русь въ годину смуты избавлялъ. —
 При братъ Симеона Иоаннъ правилъ
 Россійской церковью мужъ дивный и святой —
 Смиранный Алексій. Тайдулу онъ избавилъ
 Отъ смерти теплою молитвою своею. —
 Димитрій Иоанновичъ Донской восходитъ
 На дѣдовскій престоль, грозитъ врагамъ войной
 И на князей удѣльныхъ ужасъ онъ наводитъ,
 Отважно борется съ лукавою Литвой.
 Димитрій страшнаго Мамаю раздражаетъ:
 Чтобъ князя наказать, онъ поднялъ всю орду,
 Деревни наши, села, грады сожигаетъ,
 На жизнь на смерть ведетъ кровавую войну.
 На незабвенномъ славномъ куликовомъ полѣ
 Димитрій смѣло сходится съ своимъ врагомъ.
 Никто изъ русскихъ не желаетъ жить въ неволь,
 На брань идутъ и ограждаются крестомъ.
 Разбить Мамай и въ бѣгствѣ ищетъ онъ спасенья.
 Димитрій съ храбрымъ войскомъ поминаетъ брань.
 Хвала ему! Но снова пламя истребленья
 Въ Русь вноситъ Тохтамышъ, опять Русь платитъ дань.
 Донскаго сынъ Василій какъ отецъ умѣетъ
 Владѣнія князей удѣльныхъ покорять
 И передъ грознымъ Тамерланомъ не робѣетъ,
 Оружіемъ готовъ Россію защищать.
 Но не надѣясь на себя и выйдя въ поле,
 Князь приказалъ икону Богоматери
 Въ Москву перенести, чтобъ успокоить горе.
 Столица спасена и ханъ тотчасъ ушелъ.

Василій Темный не былъ дѣдушкѣ подобенъ,
 Несчастливо Россіею повелѣвалъ.
 Онъ былъ коваренъ, мстителенъ, лукавъ и злобенъ,
 И въ ножны мечъ онъ очень рѣдко опускалъ, —
 Пылая мщеніемъ къ двоюроднымъ злымъ братьямъ,
 Василия Косаго зрѣнія лишилъ.
 Шемяка братъ, сочувствуя такимъ напастямъ,
 Нечаянно схватилъ его и ослѣпилъ. —
 Служа рабами, Русскіе ожесточились,
 Употребляли клевету, весь хитрости,
 Въ характеръ, въ душъ совсѣмъ перемѣнились,
 Нерѣдко прибѣгали даже къ низости.
 Одна святая вѣра въ Бога удержала
 Несчастныхъ предковъ нашихъ отъ паденія,
 Ихъ необузданныя страсти укрощала,
 Дойти не дала до окаменѣнія.

Освобожденная Россія.

Въ уничиженной, скованной Руси родился
 Великій Государь, славнѣйшій изъ мужей,
 И видъ поруганной рабы перемѣнился.
 Она познала силу крѣпости своей.
 Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ чудо въ свѣтъ:
 Онъ обнималъ своимъ орлинымъ взоромъ все,
 Не останавливался на одномъ предметъ
 И искренно любилъ отечество свое. —
 Онъ помышлялъ какъ расширить свои предѣлы:
 И вотъ князья ему владѣнья отдаютъ,
 Другіе же завѣщаютъ ихъ удѣлы,
 А третьи нарушаютъ клятву и бѣгутъ. —

Счастливая звѣзда ведетъ Русь къ большей славы:
Напрасно гордая Борецкаго жена
Старается ударъ нанести его державѣ.
Какъ ошибается тщеславная вдова!
Московскій Государь явился вдругъ съ полками,
Въ кровавой битвѣ Новгородцевъ поразилъ,
Побѣду одержалъ надъ сильными врагами
И вѣче вольнаго народа прекратилъ. —
Уже давно Царь Іоаннъ не платитъ дани,
Спокойно ждетъ Ахмата своего врага.
Ахматъ готовится къ жестокой брани,
Идетъ къ столицѣ разрушеніемъ грозя.
Когда царю-сопернику онъ угрожаетъ
И думаетъ его разбить и покорить:
Орда, гдѣ были жены, дѣти, вдругъ пылаетъ;
Ивакъ убилъ его, грозитъ все истребить. —
Съ тѣхъ поръ Россія благоденствуетъ на волю,
Никто не смѣетъ наложить ей путь-оковы;
Великій Царь ведетъ ее къ счастливой долѣ,
Разитъ Казань, Литву и всѣхъ враговъ.
Съ Софіей греческой царевной въ бракъ вступаетъ
И принимаетъ гербъ двуглаваго орла,
Русь съ образованной Европою сближаетъ,
Чеканитъ деньги, укрѣпляетъ города. —
Онъ былъ искуснѣйшій въ дѣлахъ правитель,
Подъ именемъ Судебника законъ издалъ,
Державы нашей мудрый, ревностный строитель,
Къ своей особѣ страхъ, почтеніе внушалъ. —
Василій сынъ его отцу не уступаетъ:
Съ Москвою на-вѣкъ соединяетъ Псковъ, Рязань,

Смоленскъ у князя Сигизмунда отнимаетъ,
 Своихъ присяжниковъ царями шлетъ въ Казань.
 Онъ умеръ. Вотъ остался сынъ его трех-лѣтній.
 Назначены опекуны. Елена мать
 Любила роскошь, пышность, блескъ пустой и внѣшній,
 Не усомнилась даже дядей убивать.
 Она скончалась. Тяжкое настало время:
 Правленье Шуйскихъ, Бѣльскихъ и другихъ вельможъ:
 Царь былъ еще не въ силахъ нести управы бремя,
 Въ рукахъ соперниковъ сверкалъ нерѣдко ножъ.
 Учитъ Царя добру бояре не старались;
 Они смотрѣли съ восхищеньемъ, съ торжествомъ,
 Какъ страшнымъ мукамъ кошки, люди предавались,
 Царя свирѣпость называли баловствомъ.
 Прошли лѣта и вотъ вѣнчается на царство
 Царь-солнышко; ликуеть Русь и вся Москва.
 Но и теперь господствуетъ самоуправство;
 Вездѣ печальный стонъ и горькая слеза. —
 Неслыханный пожаръ столицу истребляетъ,
 Народъ въ отчаяннѣ убилъ Царя родныхъ.
 Трепещетъ онъ за жизнь. Вдругъ двери отворяетъ
 Сильвестръ и говоритъ: „Смирись, въ грѣхахъ своихъ!
 „Покайся, царь! Москвы погибель — казнь отъ Бога.
 „Уже гремитъ судъ страшный надъ главой твоей.“
 Тогда гонцы летятъ изъ царскаго чертога
 И объявляютъ всѣмъ начало лучшихъ дней.
 Адашевъ и Сильвестръ судебникъ исправляютъ
 И учреждаютъ новыхъ воиновъ — стрѣльцовъ,
 Съ Европой выгодную дружбу заключаютъ,
 Повсюду отправляютъ изъ Москвы пословъ.

Опасная Казань Россіи покорилась,
 Татары крымскіе войной утрашены,
 Богатая блугой Астрахань смирилась,
 И Польша и Ливонія побѣждены.
 Анастасія— ангель, милая подруга,
 Царю Россіи облегчаетъ тяжести,
 Ведеть его къ добру прекрасная супруга,
 Своей улыбкой улаждаетъ горести. —
 Такъ правилъ Іоаннъ пятнадцать лѣтъ на славу.
 Прелестная Анастасія умерла,
 И Царь уныль, разстроилъ русскую державу.
 Царица счастье всѣхъ съ собою унесла.
 Увы! съ сихъ поръ онъ къ худшему перемѣнился:
 То билъ, то рвалъ у любимцевъ языки,
 То въ слободѣ смиренно до крови молился,
 То мучилъ всѣхъ. Опричники— клеветники
 Мели Россію; что хотѣли, то и брали.
 Печаль вездѣ, затихли улицы Москвы;
 Опричники людей невинныхъ убивали
 И награждалися за варварства свои.
 Король Стефанъ Баторій снова устремился
 На русскія войска, какъ левъ ихъ поражаль;
 Край прибалтійскій храбрымъ Шведамъ покорился,
 Ханъ крымскій вторгнулся, Москву столицу взялъ. —
 Бѣда постигла Русь, Царя; но въ утѣшенье
 Отважный атаманъ Ермакъ какъ полубогъ
 Летитъ, Сибири всей наноситъ истребленье,
 Спустя немного залагаетъ тамъ острогъ.
 Сибирь покорена донскими удалцами.
 Да знаетъ же Россія вся, что Ермаку

Обязана симъ счастьемъ, что съ молодцами
 Онъ первый подарилъ лисиць, бобровъ Царю. —
 Феодоръ Юанновичъ больнои и робкій
 Не полагался на способности свои,
 Царь набожный, всегда застынчивый и кроткій
 Любилъ Россію, счастье находилъ въ любви
 Признательнаго, благодарнаго народа.
 Борисъ Царицы братъ Россіей управлялъ.
 Онъ былъ отличный, просвѣщенный воевода,
 Татаръ и Шведовъ многократно побѣждалъ.
 Царь думалъ о душѣ своей и былъ бездѣтень,
 Престоль, отечество и міръ имъ позабыть...
 Димитрій братъ его еще былъ малолѣтень.
 По волю Годунова въ Угличъ убить.
 Феодора навѣкъ оплакала столица.
 Теперь она стоитъ и спрашиваетъ всѣхъ:
 „Кого избрать царемъ?“ Какъ бѣдная вдовица
 Она скорбитъ, не знаетъ никакихъ утѣхъ.
 Вотъ Ювъ патриархъ въ Кремль всѣмъ предлагаетъ
 Въ цари наперсника покойнаго Царя;
 Москва, Россія съ восхищеньемъ избираетъ
 Отцомъ защитника отъ вѣшняго врага.
 И вотъ Борисъ сидитъ на Рюриковомъ тронѣ,
 Старается устроить Русь и просвѣтить;
 Благоразумный мужъ печется о престоль
 И силится народу милости излить.
 Онъ много сдѣлалъ добраго, не меньше злаго:
 Хотѣлъ освободить Русь отъ невѣжества,
 Прекрасно воспиталъ Феодора младого, —
 Былъ подозрителенъ — любилъ клеветниковъ.

Они расторгли родственныя узы; дѣти
 Взводили клевету на собственныхъ отцовъ,
 Всѣ трепетали, постоянно ждали смерти.
 Борисъ чего-то ждалъ, страшился мертвецовъ....

Самозванцы и междуцарствіе.

Въ Литвѣ у князя Вишневецкаго страдаетъ
 Бользнию тяжелой преданный ему слуга,
 Онъ хочетъ каяться въ грѣхахъ. Князь призываетъ
 Домашняго іезуита иль ксенза.
 Іезуитъ къ постели бѣдняка подходитъ
 И тихо слушаетъ предсмертныя слова.
 Больной своею рѣчью въ изумленіе приводитъ
 Недальновиднаго и хитраго ксенза.
 Князь Вишневецкій недовѣрчиво внимаётъ
 Словамъ іезуита, что его лакей
 Царевичъ русскій; что же дѣлать? самъ не знаетъ,
 Зоветъ врача, чтобъ онъ наукою своей
 Больнаго на ноги поднялъ, да и развѣдать
 Ужасно хочется ему. Вотъ онъ сидитъ
 У изголовья, не хочетъ пообѣдать.
 Больной оправился и вотъ что говоритъ:
 „Борисъ хотѣлъ меня убить, да обманулся;
 „Мой докторъ спасъ меня отъ лютаго врага.
 „Не вѣрь ты баснѣ, будто на ножъ я наткнулся.
 „Зарѣзали сынишку одного пона.
 „Пожалуй, ты моимъ словамъ и не повѣришь....
 „Но въ доказательство, что я сынъ Грознаго,
 „Крестъ покажу тебѣ. Во сколько крестъ сей цѣнишь?
 „Давно я получилъ его отъ крестнаго.“

И вотъ Отрепьевъ нашъ живетъ великольно.
 Ужь Мнишекъ за него Марину отдаетъ.
 Предъ Гришкой все трепещутъ, служатъ раболопно,
 На Годунова онъ теперь войной идетъ.
 Царь принимаетъ къ обличенію все мѣры,
 Но Русь въ волненьи; ужасъ неописанный....
 Увы! для всехъ насъ соблазнительны примѣры.
 Вѣдь это фактъ нигдѣ ни кѣмъ неслыханный.
 Одинъ Басмановъ Самозванца разбиваетъ
 И подаетъ надежду на спасеніе.
 Борисъ въ заботахъ занемогъ и умираетъ,
 И тотъ, кто составлялъ все утѣшеніе,
 Начальникъ Петръ Басмановъ, мужъ неблагородный
 Забылъ присягу, вѣру въ Бога и Творца,
 Предался Лжедмитрію и бунтъ народный
 Лишилъ Θεодора наслѣдія отца.
 Разстрига нашъ съ великимъ торжествомъ възъзжаетъ
 Въ столицу русскую съ своей ватагою,
 Но буря страшная худое предвѣщаетъ.
 Царь съ матерью задушены бродягою!
 Не долго Гришка правилъ нашимъ государствомъ;
 Все видѣли, что онъ — обманщикъ и злодѣй.
 Разстрига не умѣлъ распоряжаться царствомъ,
 Любилъ кутить, безчинствовать какъ лиходѣй,
 Съ Мариной гордой Мнишекъ бракомъ сочетался,
 Давалъ Полякамъ лишь банкеты да пиры.
 Народъ въ ожесточеннѣйшемъ крайнемъ взволновался,
 На Красной площади собрался до зари.
 Князь Шуйскій во-главъ съ мечемъ, съ крестомъ явился;
 Басмановъ храбрый, другъ бродяги былъ убитъ.

Разстрига ногу вывихнулъ, на дворъ свалился
 И въ страхъ окаянный межъ стрѣльцовъ лежитъ.
 Одежду царскую съ обманщика срываютъ,
 Не слушаютъ его разказовъ, что онъ царь,
 Въ остервенѣннїи злодѣя убиваютъ,
 Мечами колютъ, бьютъ, терзаютъ злую тварь.
 На лобномъ мѣстѣ съ маской, дудкой и волынкой
 Чернь посадила скомороха — мертвеца,
 Смѣялася надъ нимъ, отжарила дубинкой,
 Сожгла въ огонь, смѣшала съ порохомъ льстеца
 И выстрѣлила въ сторону, откуда въѣхалъ.
 Народъ въ восторгъ и ликуеть вся Москва! —
 Василій Шуйскій много добраго ей сдѣлалъ,
 Короною увѣнчана его глава.
 Ахъ! жалокъ на престолъ Государь несчастный;
 Отсюду Царь измѣной низкой окружонъ.
 Опять является воскресшій врагъ опасный,
 Къ Москвѣ идетъ, и мечъ Россіи притупленъ.
 Безъ пользы Троицкая лавра защищаетъ
 Василія и губитъ доблестную рать;
 Безъ пользы славный Скопинъ вора поражаетъ,
 Василій Царь не можетъ всемъ противостать.
 Гетманъ Жолкѣвскій побѣдилъ царева брата,
 Умѣлъ враговъ безчисленныхъ къ себѣ склонить,
 Низвергъ Василія съ престола, сѣни ада
 Отверзъ Россіи и вельмѣ провозгласить
 Царемъ младаго чужеземца Владислава. —
 Гетманъ сказалъ, что Царь не станетъ нарушать
 Обычаевъ, законовъ нашихъ, и держава
 Какъ фениксъ обновится, будетъ процвѣтать.

И вотъ послы Руси являются смиренно
 Къ владыкъ Польши Сигизмунду, бьютъ челомъ,
 Предъ нимъ склоняются и просятъ униженно,
 Подъ городомъ Смоленскомъ завелись шатромъ.
 Король не хочетъ дать отвѣта, замышляетъ
 Нашъ древній городъ волей иль неволей взять
 И сына подъ пустымъ предлогомъ не пускаетъ,
 Онъ хочетъ самъ Россією повелѣвать.
 Послы проникли замыслы его худые
 И патриарху Ермогену знать даютъ,
 Что Русь хотятъ въ погибель ввергнуть люди злые,
 Въ Смоленскъ стрѣляютъ и подкопы ужь ведутъ.
 Вотъ патриархъ къ спасенію вѣры призываетъ,
 Велитъ въ селахъ и градахъ грамматы читать
 И на защиту Шеина благословляетъ, —
 Увѣщаваетъ всѣхъ за вѣру грудью стать.
 Напрасно Ляпуновъ ведетъ войска къ столицѣ,
 Москва уже горитъ и въ прахъ обращена,
 Москва подобна бѣдной плачущей вдовицѣ.
 Распалась Русь, — междуособная война!
 О Боже! Сколько было крови, слезъ пролито!
 Опустошеніе отъ Татаръ и Козаковъ!
 Ахъ! Сколько благороднѣйшихъ мужей убито
 И пало подъ мечами Шведовъ, Поляковъ! —
 Но вотъ когда умнѣйшіе въ Руси не знали
 Чтó дѣлать? чтó начать? и какъ враговъ разбить?
 Однажды въ Нижнемъ Новѣгородѣ читали
 Воззваніе, чтобы народъ одушевить.
 Говядарь ремесломъ, нашъ Мининъ Сухорукій
 Пришелъ въ восторгъ и со слезами говоритъ:
 „Я человекъ простой, но ужь не близорукій.

„Позвольте мнѣ сказать: теперь настало время
„За вѣру предковъ нашихъ, за Россію стать.
„Вооружимся старъ и младъ; ахъ! свергнемъ бремя.
„Вѣдь такъ нельзя намъ жить; рѣшимся все продать;
„Любезныхъ намъ дѣтей и женъ своихъ заложимъ
„И выкупимъ отечество. Да знаютъ все,
„Что мы — сыны Россіи; о друзья, поможемъ!“
Пожарскій двинулся немедленно къ Москвѣ.
Князь Дмитрій ополченьемъ управляетъ,
Козьма же Мининъ принялъ въ вѣдѣнье казну,
Къ отечеству любовью всѣхъ одушевляетъ
И противъ пули выставляетъ грудь свою.
Хоть Поляки, засѣвшіе въ Кремль, и дрались
Отчаянно на-жизнь на-смерть, но не могли
Противостать напору сильному и сдались,
Оставили Москву, на родину ушли.
Тогда вельможи всей Россіи избираютъ
Младаго Михаила кроткаго Царемъ,
Единодушно все его провозглашаютъ
Своимъ защитникомъ, судьбою и отцомъ.
Съ тѣхъ поръ господствуетъ у насъ миръ вождельный;
И на престолѣ Домъ Романовыхъ сидитъ,
Отъ Господа во всѣхъ дѣлахъ благословенный.
Орель двуглавый выше къ небесамъ паритъ....

ИСТИНА.

О Русь святая, щедро ты надълена
 Дарами свыше и всемъ нужнымъ снабжена.
 Твой Богъ — Богъ кроткій, милосердый, вѣчный,
 Святый, въ дѣлахъ Своихъ премудрый, безконечный.
 Онъ любитъ православныхъ христіанъ какъ чадъ,
 Болѣзнуеть о грѣшныхъ, ихъ спасеню радъ.
 Онъ, какъ благій Отецъ все бѣды отвращаетъ
 И стрѣлы князя тьмы отъ всехъ насъ отклоняетъ.
 Единородный Сынъ Его за насъ скорбѣлъ,
 На древъ крестномъ смерть и муки претерпѣлъ.
 Животворящій Духъ даруетъ наставленье
 И въ сердце наше проливаетъ утѣшенье.
 Великъ Господь нашъ Богъ и дивенъ въ чудесахъ!
 Онъ строгъ лишь къ окаяннымъ, твердъ въ своихъ словахъ.
 О какъ прекрасны и великолѣпны храмы,
 Гдѣ Онъ присуць и гдѣ курятся оиміамы!
 Какъ сладко тамъ святое пѣнопѣніе!
 Какъ назидательно Отцовъ ученіе!
 Апостолы сію намъ вѣру преподали,
 Святые мученики за нее страдали. —
 Твой Государь, о Русь, Царь милостей, щедротъ, —
 Печется неусыпно, любитъ Свой народъ.
 Прошло семь лѣтъ, какъ Онъ тобой повелѣваетъ,
 Творитъ намъ судъ, все къ лучшимъ цѣлямъ направляетъ.
 Железныя дороги намъ проведены,
 Крестьяне-братья наши освобождены.
 Онъ кротокъ сердцемъ и смиренъ душою, благъ, —
 И милости Его позналъ Шамиль — твой врагъ.

Помазанникъ Христа, сидитъ Онъ на престолѣ
 И день и ночь заботится о нашей долѣ.
 Русь добрая! Не вѣрь своимъ клеветникамъ,
 Не преклоняй ушей къ злораднымъ ихъ словамъ.
 Они всегда недоброе лишь замышляютъ,
 Готовы вредъ нанести, вражду къ тебѣ питаютъ.
 Пребуди великодушному Царю вѣрна;
 Онъ намъ защита и надежда лишь одна.
 Пребуди въ любви къ престолу, долгу неизмѣнна,
 Стремись все къ лучшему и будь нелицемѣрна! —
 Марія щедро помогаетъ сиротамъ
 И слезы отираетъ плачущимъ вдовамъ.
 Она прекрасная у насъ Императрица,
 Добрѣйшая изъ женъ и кроткая Царица.
 Богъ мышцею Своей Ее да укрѣпитъ
 И долго, долго намъ Ее да сохранитъ!
 Она Монарху жизни бремя улаживаетъ,
 Любовію Своей заботы облегчаетъ. —
 Всему полезному Наслѣдникъ наученъ
 И какъ дѣлами царства править — искушенъ.
 Сегодня торжествуемъ день Его рожденья,
 Въ грядущемъ отъ Него ждемъ счастья, утѣшенья.
 Лицо Его прекрасно, рѣчь Его мила.
 Онъ русскій Цесаревичъ, русская душа.
 О дай же Богъ, чтобъ наши дѣти, внуки жили
 При Немъ счастливо — мирно и довольны были!
 Дай Богъ, чтобы великодушіе Отца
 Онъ сочеталъ съ отвагой, храбростію Петра!
 Нашъ царствующій Домъ на пользу всѣхъ трудится, —
 Фамилія Романовыхъ благословится. —

Ты, Русь, средь государствъ Европы исполинъ,
Невиданный на бѣломъ свѣтѣ властелинъ.
Великъ былъ Римъ и про него гремѣла слава:
Но краше и пространнѣе твоя держава.
Въ Ново-Архангельскѣ уже ко сну идутъ,
А въ Петербургѣ началась заря—встаютъ.
Въ твоихъ границахъ солнце вовсе не заходитъ,
Въ одномъ краю сокрылось, а въ другомъ восходитъ.
Два океана, разныя моря—твои,
Со всѣхъ концовъ къ тебѣ несутся корабли.
А рѣки въ разныхъ направленьяхъ катятъ волны,
Питаютъ множество людей и рыбы полны.
Тамъ Волга матушка широкая течетъ,
Здѣсь быстрый Днѣпръ ярится и ладьи несетъ.
Тамъ Лена тихо—мертво въ океанъ впадаетъ,
А здѣсь Нева съ Европой насъ соединяетъ.
А сколько горъ и кражей ихъ у насъ лежатъ!
Какъ великаны дремлютъ, вѣчно спятъ.
Въ ихъ недрахъ бездна золота, серебра, магнита
И много яшмъ, свинцу, порфира, малахита. —
Разнообразенъ климатъ нашъ, вездѣ хорошъ;
Нашъ русскій мужичокъ здоровъ, собой пригожъ.
У насъ нѣтъ апельсиновъ, финиковъ, сластей:
Зато не знаемъ тигровъ и гремучихъ змѣй.
Въ другія царства рожь, пшеницу отправляемъ,
Живемъ въ довольствѣ и судьбу благословляемъ.
Да развѣ нѣтъ у насъ животныхъ и скотовъ?
Довольно лошадей, украинскихъ воловъ.
Дремучіе лѣса Руси непроходимы,
И глубины озеръ, морей неизслѣдимы.

Тамъ много бѣгаетъ песцовъ, бобровъ, куницъ,
 Медвѣдей, волковъ, горностаевъ и лисицъ.
 Моря и озера исполнены сомами,
 Бѣлугой, стерлядью, севрюгой, осетрами.
 Чего же намъ хотѣть? Довольно будетъ съ насъ,
 Останется и дѣткамъ нашимъ въ добрый часъ. —
 Различныя у насъ народы обитаютъ,
 Живутъ себѣ спокойно, горюшка не знаютъ.
 Угрюмый Самоѣдъ съ оленями кочуетъ
 На берегу морскомъ, въ снѣгу лежитъ, ночуетъ.
 Черкесъ въ кольчугъ, буркѣ съ саблею летитъ,
 Лихой наездникъ вдругъ какъ молнія разитъ.
 Нескладныя Калмыки странствуютъ съ стадами,
 Охотятся, не расстаются съ лошадьми.
 Киргизы съ смугло-желтымъ скулистымъ лицомъ
 Кумысъ пьютъ и блуждаютъ въ юртахъ со скотомъ.
 Ленивые Якуты кормятся корою,
 Коренья травъ мѣшаютъ со ржаной мукою.
 И нашъ козакъ наездникъ славный, удалецъ, —
 Стремглавъ летитъ, вѣдь настоящій молодецъ.
 Тамъ Чукчи дикіе въ байдарахъ бьютъ моржей
 И вѣчно носятъ трубку за спиной своей.
 А здѣсь Цыганы съ ихъ семействами блуждаютъ,
 Пьютъ и всемъ на картахъ счастье гадаютъ.
 Тамъ Остяки сырую рыбу, жиръ варятъ,
 Чтобъ на-весель быть, и мухоморъ ѣдятъ.
 А здѣсь учоный Немецъ книгу все читаетъ,
 О вѣчности, о мірозданъ размышляетъ.
 Они благословляютъ бѣлаго Царя, —
 Счастливы всѣ, подъ скипетромъ Его живя.

Такъ въ нашемъ царствѣ все народы обитаютъ,
 На разныхъ языкахъ ихъ чувства выражаютъ.
 Возрадуйся жь, ликуй, Россія, веселись!
 Ликуй въ весельи, торжествуй, но не гордись!
 Къ чему гордиться? Гордыхъ сердцемъ Богъ смиряетъ,
 Надменныхъ и строптивыхъ часто унижаетъ.

* * *

Теперь, читатель, пѣснь другую запою,
 Все наши язвы откровенно расскажу.
 Но пусть на счетъ свой ихъ никто не принимаетъ.
 Карриатуръ здѣсь нѣтъ; пусть каждый самъ читаетъ.
 У насъ теперь въ Россіи переходный вѣкъ,
 И выхода не знаетъ русскій человѣкъ.
 Мы старый хламъ все въ сторону бросаемъ;
 Хотимъ все лучшаго, чего-то ожидаемъ. —
 Иной изъ насъ чрезъ-мѣру любить водку пить.
 Вѣдь это, братцы, дурно. Какъ не похулить!
 Что въ водкѣ за веселье? Что въ винѣ за радость?
 На-завтра голова болитъ, — какая гадость!
 Вонъ въ кабакѣ съ ватагой пьяница сидитъ;
 Всю ноченьку горланить, день деньской не спитъ.
 А бѣдная жена съ малютками вздыхаетъ,
 Несчастная лишь плачетъ, часто голодаетъ.
 Вотъ наконецъ нашъ пьяница домой идетъ,
 Какъ лютой звѣрь ломаетъ все, бѣсится, бѣетъ.
 Жена и дѣти прячутся куда лишь могутъ.
 Онъ ихъ тиранъ. Какъ бѣдные они все стонутъ!
 Смѣшонъ и жалокъ бѣдный русскій человѣкъ;
 Безъ толку пьеть и въ нищету проводитъ вѣкъ.

Пословица гласить: „вѣдь пьяница проспится.“
 Ахъ, нѣтъ! Такимъ въ могилу часто онъ ложится.
 Отъ пьянства происходятъ: уличный побой,
 Убийства, грабежи, покража и разбой.
 Придетъ ли время то, что пьяница проспится?
 Когда онъ бросить пить? когда перемѣнится? —
 Въ картишки любятъ многіе изъ насъ играть,
 Златое время тратить, денежки мотать.
 Вонъ тамъ за картами всю ночь сидятъ-играютъ,
 Хотятъ моль барышей и время убиваютъ.
 Придешь и смотришь. Кто-то говоритъ: „я пасъ“
 „Семерку.... тузь...“ потомъ молчатъ все цѣлый часъ.
 Картежникъ вѣдь не благородно поступаетъ,
 Онъ губить лишь другихъ, карманы очищаетъ.
 Во Франціи когда-то жилъ король дуракъ,
 Ничѣмъ не занимался, жилъ безъ дѣла, — такъ.
 Лстецы-вельможи карточки изобрѣтаютъ,
 Играютъ вѣчно съ нимъ, больнаго развлекаютъ.
 Пора намъ бросить карты; время — перестать.
 Возьмемся лучше книги дѣльные читать. —
 Иной подъячій любитъ даромъ взятки брать,
 Съ просителей послѣднюю копѣйку драть.
 Такое зло давнымъ давно ужъ вкоренилось
 И до сихъ поръ, къ прискорбію, не истребилось.
 Процессъ начнется, плачетъ бѣдная вдова
 И обижается нерѣдко сирота.
 Но лихоимецъ на другихъ вину слагаетъ,
 Какъ будто взятки не охотно принимаетъ.
 Отчасти онъ и правъ. Народъ нашъ простоватъ;
 Имѣетъ здравый смыслъ, а съ виду дурковатъ.

Споконъ вѣковъ привыкъ онъ бѣдный унижаться,
 Предъ всякимъ крючкодѣемъ кланяться, смираться.
 Онъ любитъ поднести подарочекъ ему,
 Поклоны бьетъ какъ господину своему; —
 Все кланяется въ поясъ, слезно умоляетъ,
 То рубль, то гривенникъ ему суетъ, пихаетъ.
 Зачѣмъ другихъ намъ въ искушеніе вводить?
 Къ чему ихъ соблазнять? зачѣмъ себя губить?
 Чиновники теперь довольно получаютъ
 Отъ Батюшки - Царя; они не голодаютъ.
 Законъ и совѣсть, Бога продавать — грѣшно,
 Отдать послѣдній грошъ кому не слѣдь — смѣшно. —
 И „Митрофанушка“ Фон-Визина намъ свой,
 Родня его не вывелась; онъ не чужой.
 Когда-то намъ науки розгами вбивали,
 Схоластикой кормили, мало толковали.
 Межъ нашихъ юношей довольно есть такихъ,
 Которые не терпятъ книжекъ никакихъ.
 Иной профессоръ молодой, краснорѣчивый,
 На видъ философъ, Цицеронъ велерѣчивый —
 Преважно, складно чушь на кафедру несетъ.
 Самъ Соломонъ рѣчей его не разберетъ!
 Питомцы же его съ большимъ стараньемъ внемлютъ.
 А какъ размотришь хорошенько — что же?... дремлютъ!
 Со всѣхъ наукъ верхушки любимъ мы хватать;
 Терпѣнья нѣтъ у насъ, не любимъ размышлять.
 — „Да будутъ Европейцы вамъ въ примѣръ: смотрите,
 „Сравняйтесь съ ними; если жь можно, превзойдите!“ —
 Такъ говорилъ намъ Петръ, великій Государь,
 Желавшій счастья намъ, Россіи дивный Царь.

Европу мы не превзошли и не догнали,
 Почти во всемъ мы далеко отъ ней отстали.
 Одинъ Французъ иль Нѣмецъ книгу написалъ:
 „Нѣтъ Бога“ въ ней на смѣхъ курамъ онъ доказалъ.
 И наша молодежь за нимъ провозглашаетъ:
 „Нѣтъ Бога.“ — Нѣмцу умному-де подражаетъ.
 Но никакихъ въдъ ясныхъ доказательствъ нѣтъ.
 — „Передовые говорятъ.“ — Вотъ ихъ отвѣтъ.
 Мы убѣжденія свои легко мѣняемъ,
 И на потѣху — обезьяны роль играемъ. —
 И „Чичиковъ“ намъ не чужой; онъ намъ родня.
 Напрасно сердимся подь-часъ, его браня.
 Онъ души мертвецовъ въ Россіи откупаетъ
 И отправляетъ въ Крымъ да тамъ ихъ поселяетъ.
 Одинъ словамъ его не хочетъ вѣрить и бранить,
 Другой крестится и губами шевелитъ.
 Такихъ пріобрѣтателей у насъ не мало
 И дѣло за паяцами въ Руси не стало.
 Иной изъ насъ на всь умветъ руки бить,
 И чѣмъ бы ни было копѣйку зашибить.
 Зато у насъ нерѣдко все изъ рукъ валится,
 За что ни примемся, нейдетъ и не клеится.
 „Авось“ да „какъ-нибудь“ намъ дѣлаютъ лишь вредъ.
 Намъ лишь бы съ рукъ долой: вотъ корень разныхъ бѣдъ!
 Отцы и дѣды наши очень просто жили,
 Употребляли квась, шампанскаго не пили,
 Копили денежку, не знали танцевъ и баловъ,
 Кредитъ имѣли за-границей у купцовъ.
 Довольны были малымъ и не надували,
 Все потихоньку, помаленьку торговали.

Сынки жь не расположены къ занятіямъ,
Къ торговымъ оборотамъ, предпріятіямъ.
Они разгуливаютъ вѣчно по бульварамъ,
Шатаются и день и ночь по тротуарамъ.
Ихъ занимають лишь балы, театръ, концерты,
Пріятны имъ лишь вина, карты да десерты.
Другіе вьдять все въ чужіе города,
Стремглавъ несутся на морскіе берега.
Въ Парижѣ дѣлають сюрпризы всѣмъ пьвицамъ,
Какъ Дон-Кихоты поклоняются дѣвицамъ.
Какая же Россіи польза отъ того?
Банкрутство, трата денегъ; больше ничего.
Такъ маменькины дѣтки часто поступаютъ,
Кутятъ и въ неоплатные долги впадаютъ. —
„Обломовъ“ Гончарова тоже образецъ,
Ничѣмъ не хочетъ заниматься, — молодець!
Онъ все лежитъ, облокотившись на подушки
И ждетъ, когда ползутъ сами въ ротъ голушки.
Онъ вѣчно боленъ и сидитъ какъ истуканъ,
Лѣнтяй ужасный — неподвиженъ какъ чурбанъ.
Къ несчастію, въ Россіи много негодаевъ,
Готовыхъ вѣчно даромъ пить да ѣсть лѣнтяевъ.
Они лишь землю тяготятъ Руси во вредъ,
Играють роль кликушъ, несутъ ужасный бредъ.
А кто же виновать? Скажите ради Бога!
Въ Россіи всѣмъ къ обману вольная дорога.
Публично любимъ милостыню подавать, —
Вотъ нищіе тѣснятся руку простирать.
Не разбираемъ мы, кто въ самомъ дѣлѣ бѣденъ.
Иной изъ нихъ богаче насъ и царству вреденъ. —

Любезный мой читатель! Не брани меня,
Что правду я сказалъ, отечество любя.
До сихъ поръ мы не настоящей жизнью жили,
Гонялись за мечтами, пустяки любили.
Дастъ Богъ, у насъ настанутъ счастья дни,
Со-временемъ мы бросимъ слабости свои.
Вѣдь дерево все постепенно возрастаетъ,
По-малу поднимается и разцвѣтаетъ.
Посмотришь, вотъ оно приноситъ ужъ плоды.
Садовникъ радъ, что награждаются труды. —
Былиночка растетъ и высится весной,
Но засыхаетъ вдругъ осеннею порой.
Прельщаетъ всѣхъ могучій дубъ, краса полей, —
Потомъ становится добычею червей.
И человекъ растетъ, цвѣтеть, приходитъ въ силу, —
Чрезъ нѣсколько годовъ дряхлѣетъ и идетъ въ могилу.
Ахъ! сколько государствъ на свѣтъ процвѣтало.
Прошли столѣтїя, и ихъ не стало.
Вѣдь домъ стоитъ, когда хозяинъ поправляетъ,
Всегда заботится о немъ и починяетъ.
Россія можетъ долго, долго простоять,
Какъ кедръ ливанскій высится и процвѣтаетъ.
Намъ внѣшніе враги нѣсколько неопасны,
Угрозы ихъ, вражда и клевета не страшны.
Возьмемся истреблять среди своихъ полей
Всѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ, пагубныхъ червей.
Избавь Богъ всѣхъ насъ отъ междоусобной брани,
Отъ внутреннихъ враговъ и отъ подобной дряни!

ЭПИЛОГЪ.

Какъ солнце на небѣ всегда одно сіяетъ,
 Горячими лучами согрѣваетъ всѣхъ,
 Ночную тьму и мракъ повсюду разгоняетъ,
 Источникомъ бываетъ радостей, утѣхъ:
 Такъ наша Русь любезная да пребываетъ
 Отъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ все лишь одна,
 Святая благодать Христа да осыпаетъ
 Ее преизобильно нынѣ и всегда!
 Нашъ Императоръ Александръ благословенный
 Да умудрится людямъ правый судъ творить,
 Да будетъ съ нами въ дни Его миръ вождельный,
 Чтобъ мы могли благочестиво, свято жить!
 Да будетъ милостивъ Онъ къ нищимъ и убогимъ,
 Къ нападствуемымъ же да явится Отцомъ!
 Къ злодѣямъ нашимъ да пребудетъ страшнымъ, строгимъ;
 Да поразитъ враговъ отечества — мечомъ!
 Да ниспослетъ Ему Господь спасеніе!
 Да благоденствуетъ Россіи Царь!
 Да будетъ съ Нимъ благое поспѣшеніе
 И да живетъ нашъ милосердый Государь!
 Благочестивѣйшая мать Руси Марія
 Да здравствуетъ всегда на много, много лѣтъ!
 Да будетъ вѣчно благодарна Ей Россія
 И милости Ея ко всемъ да цѣнитъ свѣтъ!
 Наслѣдникъ русскій Николай да процвѣтаетъ
 Ненарушимимъ здравіемъ и да живетъ!
 Великодушному Отцу да подражаетъ,
 Да будетъ храбръ, непобѣдимъ, какъ славный Петръ!

Весь царствующій Домъ Руси да сохранится
Покровомъ Господа и Бога отъ враговъ!
Въ любезномъ намъ отечествѣ да прекратится
Злоумышленіе, вражда клеветниковъ!
Отцы и пастыри церквей да возвыщаютъ
Пасомымъ чистое Христа ученіе!
Святыми Таинствами же да созидаютъ
Духовное и вѣчное спасеніе!
Въ судилищахъ начальники да будутъ вѣрны
Престолу, долгу, совѣсти своей, Царю!
Да будутъ нынѣ и всегда нелицемѣрны,
Да не дадутъ въ обиду вдовъ и сироту!
И воинство побѣдоносное да служить
Монарху нашему, отечеству щитомъ!
На полѣ брани непріятелей да губить,
Само жь да ограждается отъ стрѣль крестомъ!
Надежда, вѣра и любовь да озаряютъ
Многострадальный, скорбный путь нашъ на землѣ!
Заслуги Искупителя да отверзаютъ
Врата спасенія родимой сторонѣ!

